
Георгий ПАНКРАТОВ

КРИК

Повесть

1/128

В квартиру едва пробивался луч света, но было четыре часа дня или около того — время, когда школьники возвращаются домой. Напротив дивана стоял пыльный телевизор: когда родители уходили, они всегда напоминали маленькому Ване, что на задней, обращенной в углубление стенке телевизора есть специальная красная лампочка, которая загорается, если телевизор работает больше двадцати минут. Маленький Ваня боялся включать телевизор, но однажды — ведь заняться было все равно нечем — он как-то исхитрился развернуть массивный черный ящик и просунуть голову в проем. В темноте он не мог рассмотреть, что там — на задней панели ящика, а фонарика под рукой не было. В углу выделялся специальный разъем, в который был воткнут тяжелый кабель, по которому и текли все его любимые передачи: «Звездный час», дог-шоу «Я и моя собака», мультсериал «Охотники за привидениями», «Подводная одиссея команды Кусто». За дыркой для кабеля панель становилась гладкой — никаких углублений, рычагов, кнопок. Лампочки не было, думал Ваня, затаив дыхание, пытаюсь сдвинуть тяжелый ящик и поставить его так, как он стоял до ухода родителей. Нужно было не забыть поправить видеоманитофон — чтобы стоял ровно, прямо на телевизоре: если он чуть выдвинется справа или слева, это могло привести к таким последствиям, о которых Ване не хотелось даже думать. «Нет никакой там лампочки», — полыхала на его щеках обида.

Теперь он пялился на телевизор и вспоминал ту лампочку, чтобы хоть как-то отвлечься, думать хотя бы о чем-то. О чем-то другом, не о том, что происходило сейчас. Слева звонил телефон — красный аппарат с круглым диском на журнальном столике, накрытом цветастой клеенкой. Ваня вглядывался в каждый сантиметр клеенки, пытаясь найти в ней что-то, что выручит его — да не когда-то, а прямо сейчас. Спасет. Но клеенка не спасала, а телефон все звонил и звонил: дзынннннн, звонил телефон, дзынннннн. Ване казалось, что трубка слегка подпрыгивала. Он вслушивался в каждый звук, надеясь найти в этом звуке доказательство жизни — доказательство того, что в мире есть что-то другое, кроме того, что происходит сейчас. Вот сейчас он снимет трубку, завяжется разговор, он передаст трубку и побежит в свою комнату, где хоть ненадолго отдохнет — там его ждет югославский конструктор, из которого он де-

Георгий Панкратов родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Публикации: «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и проч. Автор нескольких книг прозы и одной документальной. Участник длинного списка премии «Большая книга» (2020, 2022). Лауреат премии им. Гоголя (2023) и конкурса рассказа им. Короленко (2022). Победитель Первой Всероссийской литературной мастерской Ассоциации союзов писателей и издателей (2022).

НЕВА 3'2025

лает троллейбусы, у него уже целый троллейбусный парк. А может, прочтет фантастику, а может, повезет и незаметно выскользнет во двор. Тогда все то, что произойдет неизбежно, случится хотя бы позже. Позже на какие-то часы.

— Подними трубку, — сказала Мать. Ваня всем телом рванулся к аппарату, но не успел его достигнуть, как его словно оглушили: — Меня нет.

Ваня решил выиграть время и сделал вид, что не понимает.

— То есть нет?

Мать сидела на стуле напротив, между телевизором и дверью в его комнату, преграждая путь.

— Скажи, что меня нет дома. Я перезвоню позже.

Мальчик снял трубку и осторожно поднес к уху, сдавленно сказал:

— Алло.

На другом конце раздался оживленный громкий голос. Мальчик снова посмотрел на Мать. Она недовольно пыхтела.

— Марина Михайловна, здравствуйте, — чеканя каждое слово, произнес Ваня.

Он вдруг подумал, что вот же он — вернейший способ спастись: просто прокричать в трубку соседке: «Вот же она, здесь! Спасите меня! Спасите меня, пожалуйста!» Но ни одно слово не получалось, напротив, от одной лишь мысли его сковало ужасом: он представил, как Мать взлетит со стула, взовьется над ним коршуном, выхватит трубку и расколошматит о стену. Сколько там будет идти Марина Михайловна и будет ли идти вообще, а ему уже настанет труба.

— Марина Михайловна, ее нет дома, — как можно спокойнее сказал мальчик. — Что-нибудь передать?

Ване хотелось, чтобы соседка говорила как можно дольше, говорила все что угодно — и ее голос казался в тот момент самым прекрасным звуком на земле. Но Марина Михайловна лишь пробурчала что-то, и в трубке раздалась гудки. Мальчик какое-то время делал вид, что продолжает слушать, но потом стало ясно, что и эта возможность исчерпала себя: он аккуратно положил трубку и повернулся к Матери.

— Продолжим, — сказала Мать. — Зачем ты соврал?

— Я не хотел, — отозвался мальчик. — Честно, я неспециально.

— Но по факту ведь ты соврал. Какая разница, хотел ты или не хотел? — ее голос повышался с каждым словом, и вот он уже гремел, рокотал по квартире. — Ты можешь это понять? Ты это понимаешь?

Ваня глотнул слюну. Мать смотрела на него, качала головой.

— Не зря тебя Ваней назвали, ты Ваня и есть! Стоишь тут, мямлишь что-то! Выпрямись, когда с тобой мать разговаривает! Как Ванечка-дурачок!

— Вы и назвали, — тихо сказал мальчик.

— Вы и назвали, — передразнила Мать, сморщив губы. — Не мы, а отец твой бесхребетный, неизвестно где все время пропадает. Он и назвал. А я мучаюсь. Всю жизнь так: он что-то делает, я страдаю. И этот такой же растет. Да, этот?

— Да, — повторил Ваня.

Мать резко схватила стул и придвинулась к нему.

— Почему ты сказал матери, что получил пятерку, а на самом деле получил четверку?

Мальчик закрыл глаза. Он вспомнил солнечное утро. Вот их собрали у городского фонтана — так же, как он, нарядно одетых детишек: мальчики в толстых синих брюках, пиджаках, девочки — в коричневых платьицах. Перед ними учительница: ослепительная улыбка, блестящие солнцезащитные очки.

— Ребята, сегодня первое сентября, а это праздник, День знаний, поэтому мы будем больше играть, чем учиться... Давайте знакомиться друг с другом.

Вот они бегут среди каштанов, вот дурачатся, кидаясь осенними листьями друг в друга, вот хохочут, услышав чью-то смешную фамилию. А вот — стоят возле забора, за которым высится здание — корпус их будущей школы.

— Сегодня не будет уроков, — щебечет молодая учительница. — В привычном понимании, когда все такие серьезные, сидят за партой, выходят к доске. Но я проведу вас по школе и покажу, где тут у нас что находится, ну а потом мы поиграем в урок. Лады?

Все захлопали в ладоши, кто-то закричал «Ура». Дети ринулись в парадные двери школы. Ване запомнились большие фонари на стенах коридора, просторный актовый зал, где кто-то играл на пианино, столовка с пюрешным запахом и румяная толстая повариха. Потом учительница собрала их во дворе, где дети расселись кто на чем: на лавочках, спортивных турниках, автомобильных шинах, пнях.

— А еще в школах ставят оценки, — таинственно сказала она. — Пятерка и четверка — хорошие оценки, это значит, что вы молодцы, а тройка и двойка — плохие. Значит, надо учиться лучше. Оценки ставят в журнал, это такая большая специальная книжка учителя, а потом, вычислив среднее из ваших оценок за четверть, учитель ставит оценку за четверть...

— А поставьте нам оценку, — крикнул кто-то из детей. — Интересно же!

— Да, да, — загалдели вокруг. — Ну поставьте.

— Оценки ставят за работы, — сказала учительница, сняв очки, и Ваня вдруг заметил, какие у нее усталые глаза. Они были совсем не так радостны, как ее голос. И оттого учительница понравилась ему еще больше. — За классные. Или за домашние. А сегодня мы просто знакомимся. Ну, ничего! Поставлю я вам оценки. Только они будут шуточные и никуда не пойдут. Договорились?

— Да, — зашумели дети.

— Петя, — обратилась она к какому-то мальчику. — Скажи мне, а сколько часов в сутках?

— Двенадцать, — уверенно сказал Петя, но тут же поправился: — Нет, двадцать четыре.

— Правильно, Петя, двадцать четыре, — похвалила учительница. — Поставлю тебе пятерку. Даша! А угадай загадку! Течет-течет, не вытечет, бежит-бежит, не выбежит — что это, а?

— Река, — смущенно ответила девочка. — Я знала.

— Правильно, Даша! Тебе твердая пятерка.

Вперед вышел толстый мальчик.

— А знаете самый короткий анекдот?

— Нет, и какой же?

— Коммунизм, — выпалил мальчик.

— Так, а тебе, Егорка, ставлю двойку! За хулиганство, — сказала учительница, но все равно посмеялась. — Ну а тебя как зовут, мальчик?

— Ваня.

— Ваня, Ваня... Ванечка ты мой. Что же для тебя придумать? А, вот что. Корабли лавировали-лавировали, да не вылавировали. Повтори-ка, а? Скороговорка.

— Корабли лавировали-равило, — запнулся Ваня и почувствовал раздражение: ну такое простое задание, а не получается! — Лавировали-валировали... Сейчас, сейчас соберусь, секунду.

Но учительница отчего-то не стала ждать.

— Ладно, ставлю тебе, Ваня, четверку за старание. И вправду, скороговорка сложная. Дети! Наступила пора прощаться. Буду вас ждать завтра...

Ваня шел домой довольный: он получил первую в своей жизни оценку. И эта оценка была — хорошая.

Едва придя домой, он стал взахлеб рассказывать о том, как прошел день, как познакомили их со школой и как давали разные задания.

— Я получил пятерку, — сказал Ваня.

— Ах ты ж молодец, — Мать гладила его по затылку, угощала компотом. Воспоминания школьного дня не давали покоя мальчику, и он возвращался к ним снова и снова, прокручивал в памяти. Так прошло несколько часов, пока он вдруг не вспомнил, что ему поставили четыре. Вспомнил он это случайно, продолжая хвастаться ярким днем:

— И тогда она мне говорит: ну да, скороговорка сложная. Но ты все-таки старался, и неплохо. Поставлю тебе четыре.

— Подожди, как четыре? — голос Матери похолодел. — Ты же сказал мне — пять.

— Ну да, или пять. Может, пять, — Ваня задумался. — Но по-моему, четыре. В общем, хорошая оценка. Мне поставили хорошую оценку.

Мать нагнулась над ним, скрутила тряпку в руке.

— Так какую? — спросила она.

— Четыре, — твердо сказал мальчик. — Да, я помню, она сказала четыре.

— Ты первую оценку в школе получил четыре? — ледяным голосом сказала Мать.

Когда его били ремнем, Ваня смотрел на тот же телевизор. Пустой экран, который так радовал командой Кусто и «Охотниками», в этот раз лишь предательски отражал то, что происходило в комнате. Полная, крупная Мать зажала его между мощных ног, словно в тисках, наклонив и согнув так, что голая попа мальчика нависала над старым диваном, зажав заодно и руки, так, чтобы торчала только голова. Ремень из новеньких брюк Ваня должен был вытащить сам, аккуратно сложить их, повесить на спинку стула и лишь затем подойти к дивану.

— Нельзя обманывать мать, — громыхал, перемежая удары, голос. — Я должна знать всю правду, и только правду. Я тебя родила, я твоя мать, ясно?! И обманывать меня нельзя. Всегда и везде, при любых обстоятельствах, я должна знать только правду. Ты должен быть честным, сын!

Ване было очень больно, и все же он думал, что Мария Михайловна, которая жила в квартире снизу, наверняка все слышит и знает, что Мать обманула ее — никуда она не ушла. Да еще и заставила врать мальчика.

1/64

Учительниц сменилось много. Мать, как справедливо она отмечала, действительно оставалась одна. Из всех школьных предметов Ваня сперва невзлюбил физкультуру, но к третьему классу его отношение изменилось.

Несколько месяцев в огромном спортивном зале вместе со всем классом он тренировал кувырки на мате. Это упражнение никак не давалось мальчику. Сделав кувырок, он должен был увидеть потолок спортзала, который казался бесконечно высоким и внушал непреодолимый страх.

— Давай, ну давай! — раззадоривал его физрук, сухой мужчина в возрасте. — Ничего там страшного нет, вот увидишь!

Физрук помогал со всеми упражнениями классу, поддерживал детей, так что в конечном счете не оставалось никого, кто не справлялся бы с любыми упражнениями. Когда даже девочки несколько раз кувыркнулись и получили оценки, по классу поползли смешки. Ваня понял: ситуация накалялась, но как он ни старался, не мог преодолеть страх. Физрук призадумался:

— Ладно. После уроков можешь прийти?

Мальчик кивнул. Отзанимавшись, он взял сменку — футболку и спортивные штаны — и отправился в спортзал. Там почти никого не было, только занимались старшие мальчишки. Ваня посмотрел на них косо.

— Им до тебя никакого дела, — сказал физрук. — Никто на тебя не смотрит. Здесь только ты и я, идеальное время. Давай преодолей свой страх!

Мальчик смотрел на потолок спортзала и вдруг твердо решил: не буду. Не буду смотреть туда. Зажмурюсь. Я должен, должен это сделать сегодня. Сегодня или никогда.

— Молодец! Молодец! — физрук чуть ли не танцевал над ним. — У тебя получилось! А ты говорил! А ну давай еще попробуй.

Теперь кувырок шел за кувырком — Ваня не просто делал упражнение, а наслаждался им, наслаждался тем, как легко давалось то, что вызывало страх так долго, наслаждался своей победой, собой.

С тем же чувством он шел домой — не шел, а бежал вприпрыжку, парил над привычной дорогой, за три года въевшейся в память до самого мелкого камешка. Он не вошел — впорхнул в квартиру. Но сказать ничего не успел.

— Надо поговорить, — сказала Мать. В груди мальчика вспыхнул холод: он знал, что с этих слов никогда не начиналось ничего хорошего. Он молча прошел в комнату.

— Что это?

В руке у матери была газета, Ваня сразу узнал ее — в отличие от обычных газет, которые клали в почтовый ящик, в этой было много рисунков и разнообразных шрифтов. Этим она и привлекла его на полке Союзпечати. Газета адресовалась молодежи.

— Я тебя спрашиваю, что это. Отвечай, когда тебя спрашивает мать.

— Газета, — сдавленно ответил Ваня.

— Это не газета, — Мать изобразила, будто плюет на страницы. — Это дерьмо собачье. Плюнуть и растереть.

— Я не знаю, — ответил мальчик. — Я не читал еще.

— И не будешь, — она раскрыла газету, листая страницы и делая вид, что останавливается на статьях. — «Фенечка» — так может называться нормальная газета? Одни придурки сюда пишут, другие продают. Это ж для дебилов! Ты что, хочешь быть дебилем, а?

— Нет.

— Так а зачем ты это покупаешь? Это для даунов, для умственно отсталых. Я для того горбачусь на рынке, продаю все эти шмотки, чтобы ты покупал такие газеты? Я тебя спрашиваю, не молчи.

— Мы собрали бутылки, — тихо сказал мальчик. — На турбазе, их много там.

— Не перечь матери! Чтобы больше никогда не покупал такие газеты, ясно?

— Я не знал, что там. Мне просто интересно, какие бывают газеты. Я хотел посмотреть. Это не значит...

Мать свернула газету в трубку и хлопнула по дивану.

— Просто скажи: я так больше не буду, и все! Все! Все! Ясно? Я. Так. Больше. Не. Буду.

— Я так больше не буду, — выпалил мальчик.

— Сменная одежда твоя где? Стирать пора.

Ваня остолбенел. Если до этого ему было просто некомфортно, то услышав этот вопрос Матери, он пришел в настоящий ужас. Только сейчас он понял, что вернулся домой без сменки — оставил ее в спортзале.

— Где, я тебя спрашиваю? Ну что ты молчишь? Что смотришь как баран на новые ворота?

Но мальчик уже не чувствовал, что может сказать хоть что-то. Ему хотелось провалиться сквозь землю, испариться, исчезнуть, не жить. Впрочем, что такое не жить? Этого он не знал. Словно сквозь дрему он слушал ругательства Матери, метавшейся

по коридору в поисках пакета со спортивной одеждой, пока ее разъяренное лицо не возникло перед ним. Ваня инстинктивно отпрянул.

— Собирайся, — коротко сказала Мать.

В школе почти никого не было. Вопреки ожиданиям, в спортзале сменки не оказалось. Физрук уже ушел, и спросить было некого. Сердце мальчика сжалось от ужаса.

— Отвечай! Отвечай! — ревела над ним Мать в школьном коридоре. — Где она может быть? Где?

Ваня отчетливо помнил, что, кроме спортзала, оставить сменку нигде не мог. Он больше никуда не заходил — переодевшись, прямо отсюда пошел домой. Но под натиском Матери мальчик стал сомневаться во всем — в голове вдруг родилась картина, как он, счастливый, несетя домой и закидывает сменку в мусорный бачок. Который уже хватает ковш, закидывает в специальную машину и увозит в неизвестном направлении. Наверное, стоит сказать так.

— Ой, здравствуйте, Анна Яковлевна, — Мать неожиданно расплылась в улыбке. Ваня увидел классную руководительницу и обрадовался: при чужих людях Мать никогда не будет орать. От сердца отлегло, и он заулыбался.

— Как ваши дела?

— Да нормально, вот уже собралась уходить. Уроки-то все кончились. А вы, наверное, пришли за сменкой, да?

Ваня почувствовал, как бешено колотится сердце.

— Вообще, да, — улыбнулась Мать. — А вы откуда знаете?

— Так она в классе. Пойдемте, отдам. Мне мальчишки старше занесли. Ваш, говорят, в спортзале оставил.

— Такой он рассеянный у меня стал, непутевый, — Мать развела руками. — Все забывает, теряет.

— Ну, вы не ругайте его, — примирительно сказала учительница. — Мальчик учится хорошо. С физкультурой вот были проблемы, но...

— Да физкультура — это ж разве предмет? — улыбнулась Мать.

Учительница предложила чаю, и они долго беседовали о том, что происходит в школе, в городе, стране. Между Ваней и Матерью лежал мешок со сменкой, и мальчик периодически с ужасом поглядывал на него. Он уже знал, что ничего хорошего его не ждет, и чем милее Мать с учительницей, тем больший ужас ожидает его после их прощания. Оставалось только надеяться, что они проговорят как можно дольше. Когда учительница рассказала, что мальчик хорошо пишет сочинения, Мать даже пару раз погладила его по голове.

— А у вас в классе много ругаются? — вдруг спросила она учительницу.

— Ну бывает по-всякому. Дети из разных семей, понимаете. Есть хулиганы, есть которые без родителей.

Ваня поймал себя на мысли, что часто завидовал последним. Без родителей — как же это здорово! Можно жить и делать что хочешь, думать как хочешь, никого и ничего не боясь. Впрочем, отца он не боялся, да и вообще видел его редко. Сегодня отец должен был зайти, и мальчик молился, чтобы это случилось раньше, чем они с Матерью вернутся домой.

— А то он такой, услышал слово, и ну его повторять! Сел с отцом в шашки играть и как скажет ему: Я твою дамку сейчас... Ну, вы понимаете. Слово такое, оно не матерное...

— Да, понимаю, — смутилась учительница.

Мальчик отлично помнил тот вечер. Он никогда не ругался, хотя и знал некоторые слова. А Витька, главный заводила в классе, научил его слову «трахать». Он и сам часто употреблял его — подходил и к мальчикам, и к девочкам на переменах и говорил

им: «Щас я тебя как трахну». Звучало угрожающе, но как-то безопасно, что ли. Не то что другие слова, которые даже Витька употреблял крайне редко.

Играя с отцом в шашки, он уже почти проигрывал — как вдруг заметил отличный ход: отец проморгал его, видимо, спеша поставить дамку.

— Сейчас я твою дамку и трахну! — торжественно произнес мальчик, но больше ничего сделать не успел. Мать подошла и, схватив шашечную доску, ударила Ваню по голове.

— За что? — опешил мальчик.

— Трахнул? Ты сказал трахнул? Ты хоть знаешь, что это значит?

Ваня задумался: а вправду — и что это за слово такое, трахнул? Ну, победил, выиграл. Так за что же на него теперь орут?

— Посмотри, посмотри, бестолочь, — обращалась она к отцу. — Посмотри, кого ты воспитал. Третий класс! Теперь он у нас трахает!

Остаток дня мальчик провел в углу, стоя на коленях на гречневой крупе. Было неудобно, больно, стыдно — но, главное, непонятно. «Наказание должно быть справедливым, — думал Ваня. — Наказание должно быть справедливым».

— Вот я сейчас задушу тебя, и это будет справедливо! Как же вы мне надоели — и ты, и отец твой. Недоумки! — Мать толкнула Ваню на диван. Ее лицо было красным, раскисшим, и мальчик быстро понял, что совет учительницы сильно не ругать его так и не помог. Испуганная кошка подскочила, проснувшись, спрыгнула с дивана и убежала в дальнюю комнату.

— Тварь! — орала Мать. — Кошку еще поранишь! Осторожно, это же животное! Ты, олух царя небесного!

Она достала штаны из пакета, несколько раз ударила ими мальчика.

— Ты до каких пор будешь над матерью издеваться! А, до каких пор, до каких пор! Кровапийца, всю кровь у меня выпил.

Внезапно Ваня ощутил, как что-то стягивается вокруг его шеи, ему становится больно и тяжело дышать. Он слышал слово смерть раньше, но не понимал, что оно означает. Не думал о ней и сейчас, но ему стало очень страшно. Он уже не слышал, что орет Мать над ним, да и вообще все звуки словно исчезли. В какой-то момент он просто начал хрипеть.

— Что ты делаешь? Ты же убьешь его!

Ваня упал на пол и сквозь слезы увидел, как отец, обхватив Мать, оттаскивает ее.

— И поделом! И поделом ему, сволочи! Слышишь ты, сволочь!!!

1/32

Когда Ваня думал впоследствии, что же произошло, он так и не смог найти объяснения. Как будто помутился разум. Но когда он ходил в туалет, всегда было скучно — занятия отвратительнее он и придумать не мог, а брать с собой книжку или газету было категорически нельзя — Мать запрещала: «В нашем доме так не принято». Обычно он рассматривал трещины на потолке, паутину в углу, но в доме недавно убрались, и паутины не было. Зато появилась банка с коричневой краской прямо возле унитаза — банка была открыта, и из нее торчала кисточка. Ваня присмотрелся: плинтус был ярче обычного, а значит, вот она зачем, банка: отец подкрашивал плинтус. Над свеженьким плинтусом начинался скучный кафель с серыми прослойками между прямоугольными кусками.

Мать говорила с подругой по телефону, до Вани доносились обрывки фраз.

— Ты слышала, что дочь Хуана-Карлоса все-таки вышла замуж за этого спортсмена?

Пока обсуждали Хуана-Карлоса, можно было расслабиться — обычно это длилось долго. Вначале мальчик думал, что это герой какого-то латиноамериканского сериала, которые он и сам иногда посматривал вместе с Матерью, но потом узнал, что это король Испании. Мать переживала за Хуана-Карлоса и его королевскую семью и регулярно следила за новостями.

Ваня впился взглядом в промежутки между кафелем и вдруг, повинувшись непонятному инстинкту, достал кисточку и несколько раз провел по линии. Та окрасилась в светло-коричневый цвет. Испугавшись, мальчик отбросил кисточку в банку. Казалось, что прошла какая-то секунда, но голос Матери в комнате изменился, стал грубее, жестче.

— Еще он стихотворение написал, я нашла недавно, — Ваня понял, что речь уже не о Хуане-Карлосе. — Он там пишет, что мы отщепенцы, отбросы общества, да, представляешь? Кто? Мы с отцом, кто еще, мы, которые для него все делаем.

Ваня ощутил знакомый холодок — впрочем, не слишком сильный, потому что Мать говорила по телефону. Свернутую в несколько раз бумажку со стихотворением он хранил на самой верхней полке, в книжке Гектора Мало «Без семьи». Вдохновившись этой книжкой, он и написал тот стих, представив, будто он мальчик, вынужденный скитаться и замерзающий на жутком морозе, — совсем как персонаж той книжки. Зачем он написал тот стих? Да просто захотелось, было настроение. Ему отчего-то нравилось это занятие — писать стихи.

«Но это же не про вас, это фантазия, — подумал мальчик и едва ли не впервые понял, что ощущает злость — на стих, на себя и, главное, на Мать, — Ведь можно ж было догадаться».

Он и не заметил, как Мать появилась в туалете. Ваня уже встал и теперь долго мыл руки, умывался. Он стал срочно думать, чем бы отвлечь Мать, какой завести разговор, и вспомнил, что недавно родители ставили мышеловку под ванной.

— Так вы мышь поймали? — невпопад выпалил Ваня.

И тотчас понял, что поздно.

— А это что? — Мать нагнулась над кафелем, разглядывая коричневую полоску. — Что это такое, я тебя спрашиваю? Это ты сделал?

Мальчик почувствовал, как внутри у него все рухнуло — кажется, про такое говорят «душа уходит в пятки». «Господи, какой же я дурак. Зачем я это сделал? Чем я думал?» — мысленно спрашивал он себя и не понимал. Сам навлек на себя гнев, сам создал катастрофу — из ничего, на пустом месте. Разве же так было можно? И как объяснить — не Матери, а самому себе: зачем он действительно это сделал? А ведь предстояло еще и Матери.

— Это что? — Мать уже была близка к крику. Оставалось совсем чуть-чуть. — Как кашки? Ты измазал кашками стену? Ты что, совсем идиот?

Ваня опустил глаза в пол и молчал. Он представлял, будто сидит в тихом сквере, на лавочке. Он один, вокруг него никого нет. И тишина, только дует ветер. Щебечут птицы. Мать черной тучей нависала над ним, он закрыл глаза и зажмурился. Нет, он не ждал удара — Мать если и била его, то только ремнем. Но как часто он думал, что лучше бы била, лучше бы случилось что угодно, хоть бы он провалился в ад на сковородку с кипящим маслом, только бы не этот надрывный, дикий, истощный крик. Только не он, Господи! «Иже еси на небеси, да святится имя твое», — вспоминал он слова молитвы. — «Как и прощаем мы должником нашим». Должником? Почему должником? Почему не должникам, как было бы просто и понятно? Ваня знал слова молитвы наизусть: Мать водила его в церковь, на длинные и изнурительные службы, а самой страшной была ночная — но как Ваня мечтал теперь оказаться даже на ней. Только бы не крик! Не крик!

Лицо Матери сжалось в страшную гримасу.

— А ну отвечай! Какашки? Какашки, да?

За всю свою маленькую жизнь Ваня запомнил: нет ничего страшнее, чем говорить правду Матери. Ври, придумывай, выкручивайся, юли — только не говори правду. Никогда! Мальчик не знал, как это поможет ему сейчас, но, набрав воздуха, твердо сказал:

— Да. Я измазал стену какашками.

Ему стало противно. Мать торжествующе распрямилась.

— То есть ты хочешь сказать, что в здравом уме, будучи нормальным человеком, ты взял и измазал какашками стену?

Мальчик потупил взгляд. «Хочешь сказать». Что это значило — хочешь сказать? Он ничего не хотел говорить, это было понятно, он был вынужден говорить.

— Я уже ответил.

— Ответишь еще раз, — взревела Мать. — Сколько надо, столько и ответишь! Родила идиота! Боже мой! Родила на этот свет идиота! Господи!

Она несколько раз ударила себя в грудь и разрыдалась.

— Отмывай, — приказала она. — Вон там в углу тряпка, бери и отмывай. Чтобы я пришла, и ничего этого не было.

Мать направилась в комнату, причитая и охая, а Ваня смочил тряпку и молча стоял, смотря на нее. Тряпка казалась ему спасительницей, он цеплялся за нее не только взглядом, а всей своей маленькой напуганной душой. Он мечтал о чуде и мысленно просил тряпку совершить это чудо.

— Пожалуйста, — сказал он тихо.

Но Ваня, конечно, знал, что не ототрется. Краска плотно въелась, и даже чуть-чуть оттереть было невозможно. Мальчик раз за разом мочил тряпку, подносил ее к стене и тер — просто чтобы проходило время. Быть может, время, если не тряпка, поможет ему. А если не время, то, наверное, и ничего.

Помнил Ваня и о том, что это не последнее испытание, которое ему предстояло за день. Сегодня в школе ему поставили за сочинение необычную оценку — пять с четырьмя плюсами. Сочинение было простым, на вольную тему: написать о своей жизни, о том, как проводишь время, чем интересуешься, что любишь. Что-то вроде знакомства с учениками — ведь у него снова появились новые учителя. Роковая ошибка была в том, что, вернувшись из школы, он уже успел похвастаться. Теперь, в новых обстоятельствах, это было совсем зря. Он не любил в себе хвастовство — но, с другой стороны, кому как не родителям рассказывать об успехах. Тем более отец был дома. Правда, сейчас это не очень помогало — отец читал газету и пил чай. Отозвавшись на стенания матери, он вяло зашел в туалет, сразу понял, в чем дело, и вышел.

— Вот не будет матери, будешь вспоминать и плакать, — доносилось до Вани из комнаты. — Будешь проклинать себя, что не любил ее, не жалел, что делал все для того, чтоб она сдохла раньше времени. Только уже будет поздно! Локти будешь кусать.

Через час пустых попыток оттереть краску в туалет снова зашел отец.

— Пойдем, — сказал он. — Мама что-то спросить хочет.

Ужас новой волной подступил к горлу, но Ваня старался не выдать паники.

— Сейчас руки помою.

— Пойдем, — настойчиво повторил отец. — Мама ждет.

Ваня почувствовал, как задрожали ноги и руки. Не помня себя, он вошел в комнату. С надеждой взглянул на отца, но отец отвернулся. Ваня знал: убить его отец не даст, но все остальное — пожалуйста. Рассчитывать было не на что.

— Ничего не хочешь объяснить? — спросила Мать.

— Я оттираю, — потупив взгляд, сказал мальчик.

— Мы к этому еще вернемся. Отец сказал, что там на самом деле. Ну?

Ваня смотрел на нее и не понимал, что «ну?». И только потом заметил, что на журнальном столике разложено несколько карточек. Они были цветными, в центре каждой карточки была цифра, а периметр обведен в толстую рамку. Цифры были отпечатаны на карточках — они предназначались для какой-то игры, которую Ваня не помнил, а вот раскрасил карточки он сам — цветными текстовыделителями. Рамки нарисовал тоже — толстым черным маркером.

— Зачем? — Мать поймала его взгляд. — Что все это значит?

— Это... Это... — залепетал Ваня.

— Слушай, не придуривайся уже, ответь на вопрос нормально, — оторвался от газеты отец.

— Да я...

Ваня оторопел. Для него было настолько неожиданно, что Мать найдет карточки — это было так давно, что он уже и забыл про них, а тем более что станет спрашивать про них. Мальчик решил зацепиться за этот аргумент как за спасительный.

— Это было давно, — сказал он.

Но Мать только всплеснула руками и заорала:

— Давно? Какая разница, когда это было? Я тебя спрашиваю зачем, не когда. Ты понимаешь разницу? А если бы ты человека убил, и это было давно, ты бы тоже сказал, да? Давно — не имеет значения!

Ваня подумал, в каком возрасте он мог бы убить человека, чтобы это было давно, и неожиданно улыбнулся. Это привело Мать в ярость.

— Ты что, смеешься, когда Мать с тобой разговаривает? Я что-то говорю смешное? Или ты над Матерью смеешься, а, гаденыш? Отец! Оторвись ты от своей газеты! Посмотри, какого гаденыша мы с тобой воспитали. Не гаденыша — гадину!

— Мне было просто скучно, — сказал Ваня. — Я не знал, чем заняться, и вот...

— Что вот? — победно заорала Мать. — Что вот? Что ты сделал, а? Я слушаю!

— Раскрасил эти карточки.

— Что это значит? Девятка у тебя красным, пятерка желтым. Почему это, зачем? Отец, я не могу с ним.

— Это ничего не значит, — тихо сказал мальчик. — Это просто так.

— Не дури мне голову, ничего не может быть просто так. У всего есть смысл. Какой смысл здесь, зачем это? Господи, за что, кого мы воспитали! Когда человеку скучно, он читает книжку, телевизор смотрит, радио. Ты понимаешь это, а?

— Да, понимаю, — Ваня знал, что лучше не перечить.

— Нормальный человек не раскрашивает карточки просто так. Если ты так будешь делать, нормальный человек из тебя не вырастет.

— Я больше не буду, честно, — сказал Ваня.

— Еще бы, — бросила Мать. — Конечно, не будешь. Эти карточки я у тебя заберу, и ты их больше не увидишь.

Мальчик пожал плечами.

— Это еще не все, — довольно сказала Мать и повернулась к отцу. — Ну чего ты сидишь, может быть, ты скажешь?

— Так ведь у тебя был какой-то вопрос, ты и спрашивай, — удивленно отозвался отец. — У меня вопросов не было.

— Ну понятно, — вздохнула Мать. — Вечно мне все одной надо. Как будто это мой сын.

— Вообще-то, твой.

— Не паясничай, — презрительно ответила Мать. — Паяц нашелся. Мы прочитали твоё сочинение.

Мать резко обернулась к Ване.

— Кричу я, значит, много, да? А когда мать много кричит, кошка потом приходит и тебя успокаивает, лечит. Так ты же писал, да?

— Там не только это, — глухо сказал мальчик.

— Что там еще, меня не интересует. Зачем ты это вообще пишешь? Зачем учительнице знать, что я кричу? А? Ты же не пишешь, почему я кричу, кто меня доводит. Какой хитренький, а! Посмотрите!

— Прости, пожалуйста, — сказал мальчик.

— Так если бы! — продолжила Мать. — А зачем писать, сколько вы ждете электричку? Когда ты с бабушкой ездил на дачу. У тебя вот целый абзац — про электричку. Как вы ее ждете, какие рельсы, платформа. Красная строка — и снова, пожалуйста, про электричку! У тебя полсочинения про электричку. У тебя вообще все дома, я хочу спросить?

— Не знаю, — промямлил мальчик. — Так получилось.

— Так получилось у него. Электрички, потом троллейбусы! Ты и рисуешь троллейбусы. Тебе в школе задали нарисовать муравья, а ты взял и нарисовал троллейбус!

— Мне поставили пятерку, мам.

— Да плевать, что тебе поставили! — взвилась Мать. — Что ты мне талдычишь, как болванчик: поставили, поставили! Рисование не предмет. И литература твоя не предмет! Человека из тебя это не сделает. При чем тут муравей и при чем троллейбус? Ты мне можешь ответить! Я же вижу, что ты делаешь из конструктора? Троллейбусы. Я говорила с тетей Ирой, она считает, что ты у нас странный мальчик. Да кого ни спроси, все вокруг говорят, что ты странный. Все нормальные люди.

Ваня молчал, пристыженный.

— А зачем цифры раскрасил-то? Цифры? Пятый класс, скоро шестой! Мы в этом возрасте в походы уже ходили, а ты цифры раскрашиваешь! Ну ответь мне, я мать, я люблю тебя. Я должна знать. Что с тобой не так?

Мальчик собрался с мыслями, через силу сказал:

— Только не кричи, пожалуйста!

Мать развела руками.

— Ты мне, сопля зеленая, еще указывать будешь, как тебя воспитывать! Вот когда свои дети будут, им и будешь указывать, что им делать. Не мне, ясно? Если кричу, значит, жизнь такая, довели, значит, ясно! Один вон сидит, газеты читает, другой рисует троллейбусы. За что меня Бог наказал-то? Подойди поближе, ну же, подойди.

— Зачем? — спросил мальчик.

— Мать говорит подойди, значит, подойди, ясно?

Ваня сделал два тяжелых шага.

— Запомни, — Мать приблизилась к нему, подняла палец. — Я хочу все знать, что ты делаешь, чем ты дышишь, куда ходишь, чем живешь! Все, понимаешь, все, ясно?

— Ясно, — сдавленно ответил Ваня и зажмурился.

— Твоя жизнь — это моя жизнь! Я тебя ррродила! — гремел голос матери. — Рррродила! Я твоя мать, кровная! Ближе тебя у меня никого нет, и ближе меня — у тебя. Нет и никогда не будет. Заруби на носу у себя это, чтоб от зубов отскакивало! Я — твоя мать, ясно?

— Ты моя мать, — повторил Ваня.

1/16

Четвертая сигарета подряд. Ваню уже тошнило, но он подносил зажигалку и раз за разом прикуривал. Хуже, чем ему было, казалось, просто не может быть. Еще не-

давно он, второкурсник, встречал после пар свою девушку, которая училась на год младше, — и они беззаботно и весело проводили время: гуляли, ходили на выставки и концерты, пили дешевое, но такое вкусное вино и пиво. Он видел в ней себя, всю жизнь, весь ее смысл.

— Тебе всего-то и надо для счастья, чтобы тебя любили, — сказал однажды приятель, и Ваня подумал: а что, пожалуй, это действительно так. Мир влюбленности открылся ему позже, чем сверстникам, которые уже с девятого класса школы мучили, гуляли, ходили вместе, как это смешно называли некоторые из них. Тогда Ваня чувствовал острое одиночество, теперь же ему казалось, что он всех их обошел: его любовь и глубже, и острее, и серьезнее, а главное — надежнее. Он был уверен, что уж если такое случилось, оно не может быть не навсегда. Ослепленный собственным чувством, он и не заметил, как менялись их отношения, как тонул, стремительно вбирая в себя воды, корабль их чувства, а он все стоял на палубе и любовался закатом, который был так невыносимо красив.

Он понял все только теперь, словно вода залила весь трюм моментально, словно и не было капель на потолке, струй, бежавших по стенам, набиравшего силы течения, сбивающего с ног. Нет, для него все было безоблачно, и вдруг, совершенно внезапно, без всяких на то причин, во всем его мире воцарилась черная ночь.

Вчера Ваня услышал, что больше они не вместе.

— Снежана, — говорил он, пытаясь остановить подступающее к горлу отчаяние, но так и не сумев это сделать. — Но этого же просто не может быть.

Он выглядел жалко. Но мир рушился, а он стоял посреди этого мира, обратив взгляд в грозное небо, и только кричал:

— Почему? Зачем? За что все это со мной?

Ничего не имело значения, ничего не было наделено смыслом. Жить было незачем, да и можно ли было назвать жизнью тот ад, который поглотил его вчера и вряд ли когда-то отступит. Впереди ничего не ждало, было только прошлое, которое болело, и настоящее, которое опустошало. Будущее могло быть, но он упустил его — и даже не понял как.

Ваня не мог ни есть, ни спать, только вливать в себя литры дешевого вермута, на который хватало денег: трезветь было просто нельзя. Он бродил по району, нигде не находя себе места, он орал, он резал руки, он бил кулаками бетонные стены, он — что скрывать — даже плакал. Он отправлял Снежане эсэмэски, но она не отвечала. Ей больше нечего было сказать.

Домой пришел поздно, под утро, надеясь, что Мать уже спит — только бы не говорить, только бы не говорить с нею! — переночевать. Ему повезло дважды: Мать спала, а утром, когда он проснулся, то обнаружил, что ее нет дома. Ваня собирался с мыслями — нужно было поехать к Снежане, караулить ее возле дома, что-то придумать, сказать. Но что? Он отчаянно затыкнулся. После утренней сигареты к горлу подступала отчаянная тревога, но Ваня уже знал, чем можно ее притупить: возле кровати стояла бутылка вермута; еще где-то треть была недопита. Парень с жадностью влил в себя вермут, сморщился, согнулся пополам — его едва не вырвало. Постоял, пришел в себя.

— Дюпю и пойду, к черту это, — сказал он пустоте. Быстро натянул джинсы, пересчитал деньги — еще оставалось несколько сотен. Напялил футболку. Можно было выходить.

Внезапно накатило такое отчаяние, такое безумное и не передаваемое словами ощущение одиночества, что Ваня схватился за голову, сжал виски. Застонал. Нужно было отвлечься на что-то, не думать о том, что случилось, хотя как об этом не думать, черт возьми, как это вообще возможно!

Ваня знал, что когда-то она закончит, что и он закончит с уборкой, выбросит все стекла и отдраит полы. А после он спрячется и затихнет, как делал уже не раз. Он будет прислушиваться к каждому шороху из соседней комнаты, к каждому действию Матери, трясаясь и снова надеясь. Потом ей кто-нибудь позвонит, и Мать отвлечется. Или пойдет мыться — этот вариант тоже неплох. Ему понадобится несколько секунд, чтобы схватить ботинки, резко вогнать в замочную скважину ключ — только бы не дрожали руки — и пару раз провернуть. Вытащить и выскочить на лестничную клетку. Преодолеть несколько пролетов, отдышаться, прислушаться к звукам, натянуть ботинки и выбежать на улицу. Прокрасться вдоль самой стены дома, фактически прижавшись к ней, чтобы Мать не увидела из окна сверху и не принялась орать во двор. Повернуть за угол — и свобода!

Вот только эта свобода фальшивая, все равно помнил Ваня. Когда наступала ночь, идти ему было некуда. И даже если переночует у кого-то из друзей или в чьем-то теплом подъезде, то все равно так долго не продлится. Ему непреодолимо нужно будет возвращаться. Возвращаться в родной дом — и хуже этих слов для Вани, кажется, не существовало.

«Это же первая любовь! Как можно было так растоптать ее, бесцеремонно вторгнуться и задавить все грязными тяжелыми ногами! Как можно так не понимать, так не чувствовать жизнь, не видеть, что в ней ценно?!» Ваня чувствовал, как что-то меняется в его отношении к Матери. Нет, оно не менялось трагически, к нему лишь добавилось несколько новых красок. Красок, которые не стереть.

В том же самом подъезде, где он так спешно обуется, чтобы скорее бежать, Ваня найдет себе девушку — спустя какой-то месяц после Снежаны. Тогда он откроет для себя другой мир, темный и не слишком радостный, но все-таки не беспросветный — мир, в котором люди встречаются без любви. У Нади можно будет ночевать, с ней можно будет пить и даже иногда о чем-то разговаривать. Она будет немного старше и совсем не такой красивой, как любимая Снежана, которую он будет помнить еще много лет. Но Снежаны не будет, а Надя будет — в этом и окажется ее главное достоинство. С Надей будет хоть немного отпускать, в ее объятиях будет не так больно.

Закончится это быстро. Как Мать будет душить Надю, прижав к кровати в ее квартире, а он — метаться по комнате, не зная, что предпринять, и только шептать: «Не надо», «Не надо» — Ваня тоже запомнит надолго. Матери не потребуется много времени, чтобы вычислить, где он проводит время.

— Я его мать, поняла?! А ты — сопля малолетняя!

После того события Ваня и вправду станет проводить больше времени дома. Мать не узнает, что в мыслях, вспоминая о ней и разговаривая с ней, он будет называть ее «Грузное Тело». Он не сможет вспомнить, как впервые пришло к нему это сравнение и почему оно так прицепилось — оно выплыло откуда-то из детства, из давних времен, которые хотелось забыть.

«Грузное Тело ушло», — будет думать он с облегчением после хлопка входной двери. «Грузное Тело пришло», — с тревогой, услышав, как зазвенела связка ключей в подъезде.

Ване долго не будет стыдно.

1/8

— Ага, — ответил Ваня, глянув в дверной глазок, — щас.

И тотчас, осознав двусмысленность фразы, поправился:

— Ну, в смысле, сейчас открою.

За дверью стояла женщина — подруга Матери. Мать почему-то всегда говорила, что она и его, Вани, подруга. Женщина была моложе Матери, стройнее, преподавала в школе — вот, собственно, все, что Ваня о ней знал. А главное — хотел знать. Но подруга Матери была доброжелательная, и Ваня искренне радовался, что пришла она, а не Мать.

Парень повернул ключ в замочной скважине, толкнул дверь. Подруга Матери странно, словно бы неловко улыбнулась, и тут он увидел, как справа, с лестницы, скрытой из поля обзора дверного глазка, спускалась Мать. В ее движении было что-то фундаментальное, монолитное, словно бы памятник сошел с постамента и зашагал тяжелыми, грузными шагами — Ваня видел такое в мультике; и он тотчас же понял, что движения Матери не просто таят в себе, а источают угрозу, сочатся ею. К своим двадцати двум он безошибочно определял эту угрозу.

— Ну здравствуй, — сказала Мать, заходя на порог. Ваня попятился. Конечно, он догадывался: то, что сейчас будет происходить, когда-нибудь должно было случиться, но ведь не прямо сейчас! Прямо сейчас он понимал, что не готов, но и бежать было уже поздно. Словно читая его мысли, Мать бросила с порога торжественно-печальным голосом:

— Ты бы иначе сбежал, сын. У меня не было другого выхода.

Сбежал бы, это точно, думал Ваня. В последнее время он месяцами жил у друзей, перебиваясь с квартиры на квартиру — не сказать, что из-за Матери, конечно, но если бы не вопли и истерики, когда он возвращался, то оставался дома куда чаще.

— Чай? — глупо спросил Ваня.

— Нет, спасибо, я ненадолго, — ответила подруга Матери.

Мать смолчала, прошагав в комнату. Тяжело села на диван, продышалась.

— Иван, — начала она. — Ты ничего не хочешь нам сказать?

— Ничего, — как можно спокойнее ответил Ваня и отошел к окну. Присел на стул.

— И не догадываешься, по какому поводу мы собрались, нет?

Мать испытующе смотрела на него.

Ваня стал думать, что, возможно, действительно есть варианты — какие-нибудь более простые, в которых он тоже, разумеется, был виноват, но не настолько. Впрочем, присутствие подруги Матери не оставляло просторов для интерпретаций. Он посмотрел на нее с обреченной надеждой.

— Ладно, чего далеко ходить, — сказала она. — Мама была в институте.

Все стало окончательно ясно.

— Ты провалил экзамены, — начала Мать. — Зачем ты меня обманывал?

— Я не обманывал, — ответил Ваня. — Я ничего не говорил.

Мать и без того еле держалась, а услышав эти слова, рассвирепела.

— Что это значит — ничего не говорил? Скрытие фактов — это тоже обман. Ты чего, не знаешь?

Эту фразу Ваня помнил с детства. Он решил, что ничего не будет отвечать. Ему предстояло прожить ужасное время, и на сколько дней оно затянется, Ваня не знал. Самое страшное предстояло сегодня, сейчас.

— Мы с отцом тратим деньги — чтобы ты учился, все эти взятки деканам, завкафедрой, всем этим гребаным профессорам. И что? Чем ты нам отвечаешь? Где твоя благодарность? Ты как будто не хочешь учиться.

Ваня не выдержал:

— Я тебе говорил, что не хочу там учиться. Еще с третьего курса. Мне не нравится там, мне это не нужно.

И тут же пожалел.

— Да как может нравиться-не нравится! Это надо просто, и все. Надо! Кто будет матери на старости лет помогать, если ты не будешь учиться. Тебе осталось полтора года. Получи уже этот диплом.

— И чего? И чего с ним? — отчаянно ответил Ваня. — Мне не нравится эта специальность. Как я буду по ней работать? И кому я там буду нужен?

— Ну, это, конечно, правда, — неуверенно сказала подруга Матери.

— Да какая, к черту, разница! Нравится, не нравится. Это работа. Все работают. Кому-то может нравиться работа? А? Но все работают.

— Ты не работаешь, — возразил Ваня.

— У меня здоровье. У меня по дому дела, у меня бабушка. Как ты смеешь мать попрекать?

— Но не все же работают, получается, так?

— Нет, ты посмотри на него.

— Ваня, ты лучше скажи, как ты будешь решать проблему, — встряла подруга Матери. — Экзамены-то надо как-то сдать.

— Сдам, — сглотнул Ваня.

— Ну вот и хорошо.

— Да что хорошо-то? — взревела Мать. — Что хорошо? Ты вообще в институт ходишь? Ну?

Ваня молчал.

— Ну скажи, а? Я же была в институте, я все равно знаю.

— Так зачем тогда... — начал Ваня.

— Ну правда, понятно же, — сказала подруга Матери.

— Нет, непонятно, — Мать встала и ударила кулаком по столу. — Непонятно, — заорала она. — Пусть он скажет. Ты. В. Институт. Ходишь???

Ваня сжал зубы.

— Ну что ты молчишь, тварь такая!

— Ну тихо, успокойся, успокойся, — почти шептала подруга Матери.

— Я хочу, чтобы он сказал!

— Хожу, — тихо ответил Ваня.

— Что он там сказал? Не слышу! Ты нормально можешь говорить? Или ты debil?

— Хожу, — повторил Ваня.

— Аааааааааааа!!!! — заорала Мать. — Аааааааааааааааа!!!!

Она бросилась к двери и бешено заколотила по ней кулаками.

— Ну что за сволочь!!! Я убью его, убью сейчас! Слышишь, тварь! Я убью тебя, сволочь!

Подруга Матери поднялась, неуверенно встала между ними.

— Тихо, ну тихо, — так мы ничего не решим.

— Нет, ну я только что была в институте, мне сказали, что месяц не видят его там, что нигде он не был, а он в глаза матери врет, гнида! Почему ты врешь, а? Почему врешь матери?

— А как тебе скажешь правду? — в отчаянии бросил Ваня.

— А вот так, — редела Мать. — Вот так и скажешь. Раньше надо было говорить. Ты сам в семнадцать лет поступал туда. Сам выбрал!

— Но я ошибся!

— Нет, ты слышишь, что он говорит. Ошибся. Это твой святой долг — доучиться, гаденыш. Мы с отцом его кормили, поили, а он — ошибся.

— Ну бывает, бывает, бывает, — повторяла подруга Матери. — А ты, Вань, лучше бы сейчас ничего не говорил.

— Да он убить хочет мать! Убить хочет родную мать, в гроб загнать, в могилу! И это за все, что мы для тебя сделали! Подонок ты, просто подонок!

Мать тяжело задышала, села на диван и разрыдалась. Она всхлипывала, тяжело дыша, и что-то бессвязно говорила. Ване было все равно. Он выбрал точку на полу и смотрел на нее, не обращая внимания ни на мать, ни на ее подругу. Жизнь просто текла, шли секунды, минуты. Потом в его поле зрения попала кошка — Ваня протянул руку, чтобы погладить, и кошка потерялась носом его руку, но мать крикнула, и кошка испуганно отскочила.

— Не того жалеешь, — приговаривала Мать кошке. — Он нас не жалеет, никого, а ты его жалеешь.

Ваня вспомнил, как однажды, захотев погладить кошку, он присел и случайно наступил на хвост — и она немедленно отреагировала: со всего маху заехала лапой по лицу. Ваня крикнул от боли — лицо стало заливаться теплой кровью: кажется, кошка попала в сосуд на лбу. «Еще немного, и в глаз», — с ужасом думал Ваня. Мать, узнав, что случилось, долго ругала Ваню:

— Нет, это кем надо быть, чтоб не заметить! Ей же больно, ты чего, не можешь быть внимательнее?

Но кошку Ваня любил — любил больше, чем Мать. Может быть, меньше, чем Снежану, но Снежаны давно след простыл, а кошка оставалась. И в отличие от Снежаны, даже спала с ним в обнимку, когда Ваня бывал дома.

В памяти всплыли и другие воспоминания — как Ваня наелся снотворного, желая покончить с собой, но ничего не вышло — зато ему чудилось, как он идет домой по живым жабам и как выползают огненные тараканы из мусоропровода в подъезде его друга, где Ваня пережил первый в жизни приход. Когда казалось, что немного отпустило, друзья проводили до дома, где Мать, решив, что он пьяный, долго что-то высказывала, а он точно так же, как сейчас, ее не слушал: он смотрел, как тужится кошка, справляя большую нужду, а вокруг нее, словно в мультфильме про островных туземцев, кружатся маленькие человечки с пиками — водят хоровод.

— Я сейчас подожгу здесь все, — донеслись до него вопли Матери. — Спалю, к чертовой матери, эту квартиру. Мне не нужен такой сын! Мне не нужна такая жизнь!

Повинуясь инстинкту, Ваня бросился на колени, застонал — насколько умел:

— Прости меня, пожалуйста. Я больше так не буду. Я все исправлю, все сделаю. Я тебя очень люблю, правда.

Подруга Матери сидела рядом — и, может, что-то даже говорила, но Ваня этого не знал. Он ничего не слышал, а меньше всего хотел слышать собственный голос: ведь если он просил прощения — это никогда не было искренне. Ему было нужно остаться живым — и, по возможности, вырваться из квартиры. Если это получится, его теперь долго не будет дома.

Только бы получилось.

1/4

Но не получилось. Мать кинулась к двери, стремясь вырвать ключ. Не вышло: Иван сумел опередить ее, но чтобы открыть сначала один замок, потом другой, требовалось время. Да и на то, чтобы вставить ключ в замочную скважину, тоже. Мать перекрыла дверь и вопила:

— Никуда не уйдешь! Никуда не уйдешь!

Теперь ему было слегка за тридцать. Он обзавелся женой и переехал жить в другой город. Приезд к Матери не предвещал ничего дурного. Иван сидел за столом, ел пер-

вое, второе, даже выпил пиво, слушал разговоры о еде и бытовых заботах. Монотонный голос Матери усыплял. Он поглядывал на часы — времени до поезда оставалось много. Решил зайти в комнату, в которой когда-то жил — сидел за столом, спал, стоял на балконе. Все изменилось: диван был сломан, от пола до потолка комната была забита старым тряпьем, через которое приходилось продирааться. На балконе лежали завалы из старых банок, досок, газет.

Иван присел на стул, вспомнил, как сидел за этим столом, когда учился, как много провел здесь времени. Ему совсем не хотелось, чтобы это когда-нибудь повторилось, но ощущал легкую ностальгию. Открыл ящик стола, увидел несколько фотоальбомов. В них был он — от старших школьных времен, с менявшимися друзьями, в разных компаниях, с подругами, со Снежаной и, наконец, один, до того времени, пока окончательно отсюда не уехал. Когда-то давно он заботливо составлял эти альбомы, придумывал порядок фотографий, композицию. Один альбом не успел доделать, оставив почти пустым: кипа фото была просто вложена внутрь. К нему пришла внезапная догадка: в новом городе они с женой купили сканер. Наконец-то можно перевести все фото в электронный формат; когда-то он просил об этом друзей — по штучке, ну максимум двадцать. Теперь жизнь наладилась — и он мог все оцифровать. Не раздумывая, схватил пакет, бросил туда три альбома.

Пакет не ускользнул от взгляда Матери. Каких-то полминуты потребовалось Ивану, чтобы понять: он совершил не просто оплошность, а фатальную непоправимую ошибку.

— Да как ты смеешь? Какое у тебя есть право? — заревела, как раскаты грома, Мать.

Все произошло так быстро, что не было никакой возможности повернуть ситуацию вспять. Иван вяло шептал что-то вроде:

— Ну, если так надо — я положу их обратно.

Но было уже поздно. Рев Матери настигал его, окутывал со всех сторон, она надвигалась серой огромной тучей, и Иван сделал шаг к двери — один, второй, но как-то слишком неуверенно.

— Все наши фото! Мы всю жизнь с отцом их делали, а ты смеешь вот так взять и увезти.

— Да это мои, мои фото! Там вас вообще нет. И ничего вы не делали, — возражал Иван, раздумывая, что бы предпринять, как бы уйти быстро: одним движением схватить куртку, другой ботинки, резко повернуть замок и — выскочить в подъезд. А там уже проще: сбежать по лестнице — дело нехитрое, Мать не догонит, разве только будет орать, отец не станет.

— И я же просто отсканировать, — Ваня почти отвлек Мать и схватил куртку, но она все поняла и резко, оттолкнув его, метнулась к двери. Туда же рванул и он, в последний момент сумев вырвать ключи из замка. Вот только что теперь с ними делать?

Он почувствовал, как вскипает.

— Ну смотри, смотри, там нету ни х...!!! — и стал вытаскивать альбомы из пакета, швырять их на пол. — Нету, нету, б...!

Последний альбом упал пустыми страницами вниз, словно подбитая птица, и фотографии разлетелись по коридору, приводя в бешенство Мать.

К ногам Ивана упало фото, где он, еще девятиклассник, сидит в форме футбольного клуба — футболке с номером и логотипом команды, брендированных шортах. В голове молнией вспыхнул тот день. Он начинался как торжественный: они с отцом поехали в центр города, в фирменный магазин клуба и провели там почти полдня, восхищаясь ассортиментом и рассматривая вещи — чего только не придумали с символикой команды, за которую Ваня болел с детства! Но остановились на шарфе, футболке

с шортами и маленьком значке. Счастливым, Ваня вернулся домой, но там ему с отцом устроили такую взбучку, что Ваня пожалел обо всем.

— Какого черта накупили всякой дряни? — ругалась Мать. — Будет ходить как дурак. Это же не вещи, а какие-то бессмысленные тряпки. Понятно, этот идиот, головой не соображает, но ты-то куда смотрел, а? А шарф этот так вообще. Разве это шарф? Это половая тряпка...

Вообще, футбольных воспоминаний хватало. Не в смысле походов на стадионы или тем более игр — футбол способствовал еще одному эпизоду, который невозможно было стереть из памяти. Тогда Ваня был совсем еще школьник и читал журнал о футболе; в то время журнал был самым простым и надежным способом узнать результаты матчей, прочитать что-то о командах, интервью с футболистами. Однажды он увидел объявление внизу журнальной полосы — там было что-то вроде «проверь себя в роли футбольного прогнозиста», в общем, было написано интересно и интригующе. Чтобы узнать подробности, нужно было отправить бумажное письмо на указанный адрес и вложить туда пустой конверт — через какое-то время тебе присылали ответ. Ваня так и сделал. И действительно — прошло две недели, и он увидел в почтовом ящике толстый конверт с сургучом. Изучать было некогда — они с Матерью уезжали в санаторий; недолго думая, Ваня прихватил конверт с собой.

Приехав на место, мальчик увидел, что в конверте оказалась довольно скучная книжка о том, как делать ставки на матчи. Ему предлагали внести какую-то сумму денег, чтобы начать игру, сумму, надо сказать, небольшую, но Ване это не было интересно. Он забросил конверт в дальний угол санаторного номера и больше не вспоминал о нем. До тех пор, пока не нашла Мать.

— Что это ты задумал? — она ходила по маленькому номеру, словно загнанная. — Ты последние деньги хочешь у нас отнять?

— Мне просто было интересно, — пытался объяснить Ваня. — Теперь неинтересно.

— Неинтересно ему. Зато мне интересно, почему ты так ведешь себя с матерью. Почему нельзя было сказать?

— Зачем? Я все равно не собирался этим заниматься. О чем говорить?

— Не ври, — орала Мать. — Я чувствую ложь нутром, вот, сердцем, — она била себя по груди. — Мать не обманешь, помни, что я тебя родила.

В тот день вместо парков и вечерних санаторных развлечений Ваня стоял в углу и проклинал себя за то, что не успел выбросить подлый конверт. Целый день был испорчен, просто вычеркнут из жизни. «Грузное Тело», — с ненавистью думал он.

— Хоть раз в сто лет домой приехал и так себя ведешь!

Ваня понял, что так и стоит, уставившись на фотки на полу. Ну, с меня хватит, подумал он. Теперь Мать кричала из кухни; он резко направился к двери.

— Домой я уезжаю. Дом мой там, понятно, а не здесь!

— Ха, дом, — Мать скривилась. — Съемная квартирка? Не смеди меня. У нас в твоём возрасте уже была своя квартира.

— Вы в вашем возрасте ее не покупали!

На шум вышла из своей комнаты пожилая бабушка. Отец тенью мелькал в проеме двери, заваривал, наливал чай.

— Что я тебе, школьник какой-то? — продолжал Иван. — Мне уже за тридцать, понимаешь, у меня жена! Хватит издеваться надо мной.

— Да кто, — вскричала Мать, — кто издевается? Это ты тиран, мать загоняешь в гроб. Ты хочешь, чтобы мать умерла! Так ты это получишь! Запросто.

Мать открыла ящик, выхватила длинный нож.

— Прямо здесь вот и прямо сейчас я убью себя.

«Господи, хватит», — думал Иван.

— Ну успокойтесь, успокойтесь, — ласково сказала бабушка.

— Чего мне успокаиваться? — орала Мать. — Я сейчас убью себя у него на глазах, пусть всю жизнь себя проклинает, что это на его совести.

— Из-за старых фотографий, — не выдержал Иван.

— Тихо, тихо, — сказала бабушка и дала ему знак: дверь. — Мы сейчас вернемся. Поговорим и вернемся. Бери ботинки, — шепнула она.

Уже на лестнице он благодарил бабушку, как только мог.

— У нее нервы расшатаны, жизнь такая, — говорила бабушка.

— С детства знаю. Побегу я. Мы увидимся еще, поговорим.

— Конечно, конечно, — бабушка взяла его за руку. — Ты уж нас не бросай.

— Спасибо! Я тебя люблю, — сказал Иван.

— Все будет хорошо. Я желаю тебе удачи. Во всем желаю удачи! Всегда.

После тяжелых встреч в родительской квартире Иван долго приходил в себя. Но ритм другого города затягивал, и он забывал о случившемся, а вместе с тем и о Матери. Ему никогда не дышалось настолько легко прежде. Он чувствовал себя свободным от страха и тревоги, которые в нем вызывала Мать. И даже часто бывал счастлив.

Мать приходила во снах. «Муть, жуть и ужасы» — так бы мог сказать Иван про любой свой сон. И хотя Мать появлялась в них нечасто, но эффектно. Однажды ему приснилось, что она всадила ему три патрона в голову — да, прямо три, сон же. Чувствуя, как умирает, Ваня вскочил на кровати и долго тяжело дышал. Это было напоминанием, что пора позвонить, справиться, как дела. Последние несколько дней Мать заваливала его сообщениями о том, какой он неблагодарный сын — не отвечает, и все дела.

Было тепло, и он обыкновенно говорил, наворачивая круги вокруг трансформаторной будки, во дворе, зажатом со всех сторон гигантскими многоэтажками, каких не было в его городе. Так проходили год, два, три, пять после того случая с альбомом — а он все так же жил здесь, все так же выходил во двор, все так же ходил вокруг будки.

Мать что-то говорила о себе и о своих каких-то новостях — как правило, они все заключались в том, как безотраднее у них жизнь и как же много в ней проблем. Иван не помнил, чтобы за долгие годы они обсуждали что-то еще. Он настраивался не ее монотонный голос, словно на шум дождя. Он не слушал, просто держал трубку возле уха. Вклиниваясь лишь в какие-то обрывки. Он знал, чем обернется разговор ближе к исходу часа — к разговору о том, какой он плохой сын. Что-то тонуло сразу же, в бездне невнимания, что-то откладывалось и обрывочно, против его воли, всплывало в памяти потом.

— Ну и как там?

— Снимаю. Снимаю, как и всю жизнь.

— А почему ты нас не зовешь?

— Что здесь делать? Живу и живу. Моя жизнь — не аттракцион, да и дел много.

— Тогда приезжай домой. Чего ты там все...

— Я говорил, что мой дом здесь.

— Но тебе надо приехать, — голос Матери становился жестче. То да се. Обои. Шкафы. Диваны. — Ремонт надо делать с отцом.

Иван вздыхал и смотрел в небо.

— Я не могу, работаю. Лишиться работы — не вариант. Потом не найдешь ведь. А за жилье все время надо платить.

На самом деле любая минута, проведенная в гостях у Матери, была ему в тягость. Отца как будто не было — его функция заключалась лишь в том, чтобы быть придат-

ком к Матери, выполнять то, что она скажет, и худо-бедно обеспечивать жизнь. Мать же с первой секунды наваливалась на него таким шумом, ни на секунду не прекращая бессмысленную болтовню, а если Иван долго не участвовал, то начинала злиться. Его от силы хватало минут на пять-десять, даже если они не ссорились. А приезжать на неделю — нет, упаси Господь.

— Ты мужчина, ты должен нам помогать. А ты что ты там делаешь? Шляешься?

— Я давно уже не шляюсь. Все, с кем я шлялся, остались там... — он не стал договаривать: в городе, в прошлом. — Работаю, сто раз сказал.

— Ну и кем же работаешь?

— Менеджером в рекламной фирме.

— Менеджером! А конкретно где? Как называется?

— Просто работаю, — вздохнул Иван. — Разве этого недостаточно?

— Ну и что, это та работа, ради которой стоило бросить мать?

— Сейчас все работают менеджером, — ответил Иван отстраненно. — Давай не будем.

— Ну да, и жена твоя тоже вон, менеджером.

— И что? Что она-то тебе?

— С чего ты взял, что она тебе хорошая жена? Ты даже нас с ней не знакомишь. Может, она какая-нибудь...

— Так, хватит, — сжал зубы Иван.

Обстановка накалялась.

— Никакая жена не заменит матери. Хоть бы ты когда-нибудь это понимал. Я болею, сын! Помнишь, что я болею? А тебе, конечно, все равно.

Мать говорила печально, но при этом отчетливо зло. Иван, конечно, знал и помнил, что она болеет. Болезнь была не из простых, из тех, о которых говорят тихо и с придыханием. Он не желал зла матери и уж тем более не злорадствовал — напротив, он хотел бы, чтобы она справилась с болезнью. Но для себя решил: если ситуация примет непоправимый оборот, то он вряд ли станет расшибаться в лепешку, вряд ли станет тем, кто подчинит всю свою жизнь этой беде. Нет, то, что сможет — сделает. Но только то, что сможет.

— За что ты так ко мне относишься? — Иван снова вспомнил, что еще говорит с матерью. — Ведь ты же сам не любишь эти разговоры про детские травмы, про, как ты говорил там, психотерапию?

— Было дело, — кивнул Иван. — Но здесь не тот случай. Не могу я. Хотел бы, а не могу. Ведь все это продолжается и сейчас.

— С возрастом пора бы. С возрастом люди становятся умнее.

«Снова хочет меня уколоть. Нет, с возрастом только хуже».

— Ты бабушке сказал, что ее любишь. А мне ты таких слов не говорил давно. Если вообще говорил.

— Постой, — прервал Иван. — Ты постоянно говоришь мне, что я не такой. Что я неправильный сын. Что ты хотела другого. Что я не тем занимаюсь, не так живу, а потому тебя все время не устраиваю. Каждый наш разговор заканчивается этим. Я мать, ты сын, ты обязан. Может быть, хватит? Ну не работает это все. Может, хоть когда-нибудь попробовать что-то другое? Не надо меня попрекать тем, что я не звоню. Не надо попрекать, что чего-то там не говорю. Любовь не вырывают из глотки, не вытягивают клещами.

Этот образ — клещи, веревки, щупальца — часто вспоминался Ивану, когда он думал о матери. Теперь, в другом городе, ее щупальца до него не дотянутся, не обовьют его, не сдавят дыхание. Он словно рубил их — и они ослабляли хватку, но не отступали совсем. Иван, как и когда-то Ваня, знал, что они не отступят. Что это невозможно.

«Люблю ли я? — думал он. — Я не знаю. Я знаю, что хороший сын это должен. Но как пробудить в себе то, чего нет? Из чего это вытянуть? Как внутри себя взрастить?»

— Я хотела, чтобы ты вырос мужчиной. А не вот этим...

— И что? — с иронией спросил Иван. — Как, получилось? Может быть, методы все-таки были не те?

— Мы ведь не знали, как тебя воспитывать. Мы сами были молодые, и мы не знали как. Где это написано? Как нам было научиться? А потом изменил отец, первый раз, а я так во все верила. Я верила, что мир добрый. А он оказался такой. А потом девяностые, вещевой рынок, помнишь? Что мне было делать? Как жить? Ведь и ты был не подарок. И отец. И родственнички. Вы все черствые люди. Я так хотела всегда любви, я без нее умирала. А вы ни на что не способны. Ни на что.

Иван подумал, прежде чем сказать, но все-таки не выдержал.

— Я вот думаю. Мне сейчас за тридцать пять. Когда мне было десять, а ты бесконечно орала, тебе ведь сколько было? Тридцать два.

— Ну и что? И что ты хочешь сказать?

— А то, что я общаюсь с женщинами, которым примерно так же. Ну в силу возраста, в силу работы, да просто так, неважно. Никто из них себя так не ведет. Таких женщин нет. Это возраст, когда можно было жить, что-то делать, чем-то интересоваться. Ты ничего не делала, а интересовалась только тем, чтобы орать. Ну что, неправда?

— Заткнись, заткнись, заткнись, — закричала Мать. — Замолчи. Ты не имеешь права мать судить. Ты кто такой!

— Ну да, говно на палке.

— Да ты не слышишь. Ты не понимаешь нас. Хоть бы раз услышал. Ты слышишь только себя, только себя одного. Ты, эгоист чертов!

— Хватит, — крикнул Иван в трубку. — Я всю жизнь тебя слушал! Не хочу, не хочу больше.

Он замахнулся, чтобы швырнуть телефон о стену, но передумал и сбросил разговор. Он знал, что все это повторится. В таком же виде, как сейчас, может быть, мягче, может — жестче. Но это будет всегда. «Всегда, пока не...» Дальше эта мысль не продолжалась.

Сейчас Мать начнет слать километровые сообщения. Нужно скорее заблокировать, чтобы не выйти из себя. Пройдет две-три недели, и он снова снимет блокировку. Все снова пойдет по кругу. Но сейчас он придет домой. Да, на съемную квартиру, это не отличишь — но впервые за всю жизнь: домой.

1/2

Сидеть у окна скоростного поезда и смотреть, как мелькают столбы, проносятся станции, скорбят о собственной участи маленькие покосившиеся дома — это сиюминутная радость для человека его возраста. Возраста, в котором все мелькает и проносится, а скорбят порою даже те, чья жизнь не располагает к скорби.

Ивану хотелось отгородиться от внешнего мира, не слышать шума вокруг, постоянных объявлений в вагоне и предложений проводников. Он вставил беруши и отвернулся к окну, зевая. Предстояло несколько часов поездки.

Все больше с годами мыслей, от которых невозможно отделаться, которые проникли в тебя настолько, что стали частью тебя. Прислонившись к окну, Иван ехал и размышлял: а могло ли вообще быть иначе? Могло ли все сложиться по-другому, был ли на это какой-то шанс? Может, он сам был не прав с этими дурацкими штана-

ми — ведь нужно быть внимательнее, так не только штаны в спортзале, а целую жизнь можно забыть. И даже не заметить. Какой урок могла преподать ему Мать, чтобы этого не случилось? Да и была ли она — в те годы, в тех стремных условиях жизни — такой единственной Матерью? Ведь он пожил и многое узнал — и о том, какими бывают люди, и о несчастной жизни детей. Ну так что же теперь жаловаться?

Иван ведь и не жаловался. Но пытался ли он заглянуть за ширму отчуждения, попытаться посмотреть на мир, на самого себя другими глазами — глазами Матери. Пытался, иногда пытался. Но это не помогало ему. Да, он понимал логику, он понимал, может быть, правоту, но он не мог понять, как рождается крик. Почему он неизбежен. Какова его природа. Почему — только он.

Было ли ему за что-то стыдно? Безусловно. Он был нелепым ребенком и стал таким же взрослым — сам себе на уме, со странным внутренним миром, если считать, что этот внутренний мир вообще есть. С ним было бы сложно любой другой матери, и ему — сложно с кем-то другим. «Родители — это начальство» — так говорил он при случае, хотя и видел, что в новом мире это совсем не так. Но его Мать не жила в новом, она и не знала о нем.

Да вот хотя бы за то, что называл ее «Грузное Тело». Как-то само родилось, прилипло. Но стыдно. Действительно стыдно.

Или за то, что еще в детстве несколько раз убежал из дома. После ссор с Матерью Ваня пешком шел к родственникам на другой конец города, или к друзьям родителей в другой населенный пункт, или вообще просто так — куда-нибудь подальше. Бродяжничал несколько дней. Был ли крик Матери поводом, чтобы это случилось? Безусловно, без него не убегал. Но нравилось ли ему так вот путешествовать? Если забыть про Мать, про ссоры. Нравилось. А потому и убегал.

А когда постоянно бухал, в любое время ночи приходил домой, ни с кем не общался, дымил в своей комнате, слушал на максимуме музыку или подыхал на отходняках — да как Мать вообще это вытерпела? Ведь даже если человека и любить... Вот сам бы он, Иван, теперь, в своем нынешнем возрасте, хотел бы такого соседства? Да пусть и с сыном, пусть и с чертом лысым — никогда. Но Мать жила с ним.

Было и такое — уже во вполне сознательном возрасте, после университета. У Матери что-то болело, и она просила сделать укол. Простой укол — в ягодичную мышцу, она бы даже показала как. Но Иван отказался. Да, он боялся уколов, у него бы тряслись руки, он действительно боялся сделать что-нибудь не так. Это все правда. Но ведь отмел мысль сразу, не дал себе даже задуматься: а почему бы не поставить Матери укол? А почему бы не попробовать? Об этом случае Иван не помнил долго, но когда вдруг случайно вспомнил — то больше не забывал. И всякий раз испытывал жгучий стыд, словно его самого кольнули. Он хотел бы это изменить.

Он помнил, как Мать болела последние годы. Да а и вообще, оглядываясь назад — она жила ужасной и несчастливой жизнью. Наверное, когда-то было время, когда она могла все изменить, если бы захотела. Потом это время прошло, и было уже не выбрать. Да и с отцом было почти то же. Ваня вдруг вспомнил, как Мать называла его Башмачкин — именем самого странного, забитого персонажа русской литературы. Называла с нежностью и вряд ли имела в виду самого героя — только фамилию, казавшуюся милой и забавной. Правда, ведь все имеет значение. И это имело тоже.

Но ведь помимо этого Мать называла его «чижик». Такое странное, доброе слово. Вместо всех этих зай и котиков. Это ведь хорошо. Это та часть жизни, которую стоило помнить.

А что сделал он, Иван, Ваня? Ничего. Он только дистанцировался, чтобы спасти себя. Только-то.

Но ведь было и что-то хорошее. И любовь была от Матери, пускай он не нуждался в такой любви, и помощь была. Да, Мать не могла помочь ему в каких-то жизненных проблемах, подчас делая хуже, но бывало, что помогала деньгами, когда он в этом так нуждался. Хотя у самой их никогда не водилось много. Кто-то скажет, что помочь деньгами проще? Но нет — Ваня знал — ни хрена не проще. Может, когда человеку помогают деньгами, это и значит, что его по-настоящему любят. Никто не хочет отрываться от себя деньги, вот советчиков и слушателей — этих всегда полно.

Мать помогала со здоровьем, искала врачей, клиники — Ваня не помнил это все и не ценил, потому что это было очень давно. А ведь кто знает — может, если бы Мать этого не делала, его бы уже не было в живых. Он бы и школу не окончил.

В его детстве были и редкие марки, и наклейки из-за рубежа, и кошка с собакой. И книги, которых сами родители не читали, но ведь он такую возможность имел. Да та же «Без семьи» Гектора Мало, стих по мотивам которой так разъярил в его детстве Мать — узнал ли он вообще об этой книге, если бы сама Мать — ну пускай и с отцом вместе — когда-то ее не купила?

Детство было не худшим, и если маленький Ваня мог с этим не согласиться, то взрослый Иван отчетливо понимал. Иногда Мать водила его к психологу и даже какое-то время ходила сама. Она хотела как-то с ним сблизиться, она искала пути. Пусть уж что вышло, то вышло. Да, сколько бы Иван ни вспоминал, он даже теперь не смог бы вспомнить ни одного момента настоящего, подлинного единения, когда они были бы с Матерью в чем-то близки. Не было, и с этим жить. Никогда не было. «Но только ли из-за Матери? А умеешь ли ты сам любить? Не Мать, а вообще кого-то? Научился ли за всю жизнь? То-то же. И что ты можешь ставить ей в вину? Ты хотел быть другим, лучшим, но ведь понимаешь: не стал».

Он вспомнил вдруг бабушку, тогда еще живую, молодую. Вспомнил, как смотрел с ней в детстве «Звездные войны» — тогда было всего три части. Вот это было единение. Ваня всегда удивлялся, почему она так любит эти фильмы. «Не будь как Дарт Вейдер», — говорила она маленькому Ване. «А вдруг я уже стал?»

Мать, между прочим, спасла котенка. Когда ей было тринадцать, она залезла на дерево, чтобы его достать, и неудачно упала. Ей делали несколько операций. А чуть позже — кинула камень в машину, когда кто-то сбил собаку и не остановился. «По-моему, ее тоже побили. Или ударили. Надо же, я не помню». Мать, правда, любила об этом рассказывать и делала это часто. Но факт от этого не перестал быть фактом.

Так почему же не вышло любви? Или хотя бы дружбы? Иван думал об этом, но каждый раз ему все было ясно. Все перебил страх. Он ничего и никогда не мог с ним сделать. На любых весах страх перевешивал, что бы ни было на второй чаше.

Противно завибрировал телефон. Его всегда раздражало, если звонила Мать. Он все ждал, что позвонит и напишет кто-нибудь другой: сначала Снежана, потом друзья, потом по хорошей работе или с чем-то интересным, с чем-то ярким. Но раз за разом в телефоне были бесконечные православные картинки, пошлые стихи, все это бесконечное прощенное воскресенье.

Иван простил бы матери все, если только не этот крик. Да, собственно, другого-то и не было. И дело было вовсе не в прощении — ничего не требовалось прощать. Он просто не мог забыть. Ему хотелось бы избавиться от всех воспоминаний.

«Но я никогда не избавлюсь. Никогда. Никогда. Никогда».

Он вдруг резко вспомнил, как Мать однажды говорила с ним. Она сидела, обхватив голову, — Иван никогда не верил таким жестам, они его раздражали: «Вот у моих каких-то знакомых, — приговаривала Мать; вечно эти знакомые, запоминать их было

невозможно, да и ни к чему, — сын буйный, попивает он. И поколачивает мать, она его боится. Зато потом, когда в себя приходит, они сидят так вместе, обнимаются. Хоть что-то. А ты...» Ване стало не по себе от услышанного, уж на что он знал Мать, но никогда бы не предположил такого. Он косо смотрел, как она улыбалась — будто блаженно, умиротворенно, мерно покачивая головой.

Машинально схватил телефон, выключил назойливый звук. Очнулся. Вокруг была непроглядная темнота, и только в далеком углу пробивался странный слабый луч, подсвечивая пыль. Было душно. Разве это поезд? Вроде и движения-то нет.

Какое-то время Ваня *пробовал* тишину. И понял, что действительно не в поезде. Так идет не состав в пространстве, так идет само время, в котором все больше провалов — отваливается все ненужное, все, что все равно не запомнишь, лишнее. Остается только важное.

Стояли какие-то люди, зыркали на Ивана глазами. Надо же плакать, а он не плачет. Почему это он такой? В центре светлого зала — траурная конструкция. Бархат, свечи, цветы.

«Кто они все? Что им всем от меня надо? Какая разница, что я скажу?»

Он собирался с мыслями. Во рту пересохло, было тяжело дышать.

«Смерть — это очень плохо, я хотел бы, чтобы все жили вечно. Но раз уж она есть, мне надо что-то сказать, да?»

Его слова гулким эхом отозвались с стенах зала. Да, да — этот шепот — надо что-то сказать.

«Теперь у меня осталось какое-то время, чтобы пожить без страха. Спокойно. Этого времени немного, но я попробую».

Мог ли он так сказать вслух? Мог, конечно. Вот только в чем был смысл? Если это говорить — то лишь себе, вполсилы мысли, опасаясь шевельнуть губами. Было ясно, что он уже не проживет те годы, которые хотел бы прожить, а как проживет оставшиеся — было не так уж важно. В оставшихся было куда меньше смысла, здоровья, планов и практически не было сил.

«Вы спрашиваете, как можно быть таким черствым? Все любят мать, говорят в речах что-то прекрасное, а я вот такой сын. Я знаю, *что* говорить. Как. Все знают. Но от себя... Что мне сказать от себя?»

Иван собрался, сделал шаг вперед.

— Она была редким человеком, у которого внутри солнце, — «Я это действительно говорю, да? Ну что же, теперь никуда не денешься». — Этому солнцу было очень трудно светить, но оно было. Есть люди, которые светлые, да? — он скользнул взглядом по собравшимся. — Так принято говорить: *светлый человек*. Который светится, но пустым светом, а внутри — потухший вулкан. Мы все тут такие, и вы, и я. Моя мать не была светлой, но она единственная носила в себе солнце. Оно у нее *было*.

«Х... с вами, не ждать же аплодисментов. Скорее бы уже уйти».

Яркая вспышка, как будто и вправду где-то вспыхнуло солнце. И это снова не поезд. Это тихое место, приятное теплое утро. Деревья, птицы, кресты и надгробные плиты. Скамейка. Ограда.

Иван поливал молча. Плита — простая, но аккуратная, строгая — запылилась, покрылась разводами, пятнами. Словно наперегонки, по ней ползли вверх две улитки. Он посмотрел — и на многих соседних так. Пожухли цветы, надо бы прибраться. Не так уж сложно, не так долго. Вот и все.

Он сидел на скамейке и смотрел то вперед, на плиту, то в небо, то снова вперед. Голова была ясной, пустой — мыслей не было; скоро полдень.

— Да что ты, — Иван почувствовал прикосновение к руке и увидел жука. Он был неприметным, черным — совсем не божья коровка, но и не кто-то опасный. Овальное тельце, маленькие шевелящиеся усы. Иван уже несколько раз сгонял его, но жук прилетал снова и неизменно садился на руку, упорно цеплялся за черные волосы, пробирался в них.

— Что же с тобой делать, — задумчиво сказал Иван и долго всматривался в странного жука, наблюдал за его движениями. Иногда ему казалось, что и жук внимательно смотрит в ответ. Но от этого не было не по себе, от этого было спокойно.

Зазвонил телефон, и Иван вздрогнул. Нужно было поставить на вибро. Звонок в таком месте — это суший кошмар. «Уж не...» — он с тревогой взглянул на плитку. Но об этом беспокоиться не стоило.

Снял трубку, уставился в небо.

— Да все еще здесь.

— Ну вот так.

— Хожу и хожу. Так вышло.

— Хожу, значит, считаю нужным.

— Не знаю, откуда я знаю, надо.

— Значит, надо так. Так все устроено.

Он впервые в жизни почувствовал себя мертвецки, невосполнимо уставшим, словно вся тяжесть мира вдруг опустилась на плечи. Жук застыл на тыльной стороне ладони. Иван встал, не делая резких движений, чтобы его не спугнуть, и стоял, смотрел на плитку. Слушал голос из трубки. Потом закрыл глаза и тихо выдохнул:

— Что-то еще?

Финал

Ивану давно снились только кошмары. И сны внутри сна, когда мучительно пытаешься выбраться, а тебя снова затягивает внутрь, когда скулит и ноет сердце и страх парализует конечности, когда, цепляясь за реальность, ты понимаешь, что это очередной сон. Он открыл рот и тяжело дышал, как рыба. Ему казалось, что из горла вырвется что-то ужасное, утробное, отчаянное — так показывают в фильмах очнувшегося в холодном поту человека, — но в горле словно застрял пузырь. Иван лишь пару раз открыл рот — и пузырь лопнул.

Он поднялся с постели, подошел к окну, раздвинул плотные шторы — теперь ему стало понятно, откуда просачивался тонкий луч. Свет наполнил гостиничный номер. Сегодня был важный день, и Иван специально приехал не на ночном поезде — а заранее: выспаться, морально подготовиться. Конечно, в программу поездки он не закладывал жуткие сны, но куда от них теперь денешься? В сорок-то лет.

Иван посмотрел на часы — времени было достаточно. Привел себя в порядок. Спустился в фойе, позавтракал. Прогулялся по ближайшим улицам.

Вернувшись в номер, достал из шкафа чемодан, аккуратно снял с полки продолговатый предмет, завернутый в пупырчатую пленку, терпеливо запихнул в большой бумажный пакет, а затем уже пакет поставил в чемодан. Закрыл. Взял большую коробку, обернутую алой бумагой, поставил в другой пакет.

Он долго выбирал, что подарить на день рождения. У Матери был новый телевизор, что-то из мебели не подаришь, ноутбук или компьютер ей не нужен. Путевку куда-то — было бы дорого для самого Ивана, да и куда ей ехать с нынешним здоровьем.

В такси листал телефон. С каждым днем в него сыпалось все больше тревожных новостей — предстояло что-то большое и страшное. Волна еще не захлестнула берег, но уже приближалась, и не было сомнений в том, как она высока. «Скоро все бу-

дут жить в другом мире», — писали там, в телефоне. Было неясно, станет ли этот мир страшным, но тревога уже пропитала его. «Там, в этом мире, наверное, надо держаться вместе, — думал Иван. — Мы прикованы друг к другу самим фактом нашего существования. Если что-то случится, нас ни для кого не будет. Мы будем только друг на друга и сами для себя». По окну автомобиля барабанил дождь, впереди мелькали размытые светофоры. «Скоро буду на месте. Все-таки праздник, настройся на радость — все остальное потом».

На место торжества Иван приехал первым. Был заказан банкетный стол. В это кафе родители ходили еще в те годы, когда были гораздо моложе, чем сам Иван сейчас. В два раза моложе. И теперь любили отмечать дни рождения здесь. Иван подошел к лампе в углу стола и нацепил на нее свиток — вещь дешевая, но симпатичная: стихи, пожелания, красивый рисунок. Наверняка создаст настроение, гости отметят, прочтут вслух. Поставил на столе сверкающие сувениры — безделушки вроде «лучший именинник», но без дурацких приколов — строгие, красивые, торжественные, приносящие удачу. Пусть они подчеркнут радость даты, не оттягивая внимание на себя.

Потом подходили гости. Подруге Матери — той, что когда-то заходила после института — он вручил небольшой сувенир, посчитав его лишним: подарите от себя.

Когда все были в сборе, Иван взял слово.

— Я скажу первым, потому что то, что хочу вручить — оно должно быть в самом начале... — Иван ошутимо волновался просто потому, что ненавидел говорить на публике. Он даже не упрекал себя в косноязычии; знал, что хорошо все равно не скажет. — В первую очередь, конечно, здоровья. Здоровья и еще раз здоровья. Долгих лет жизни. Счастья. Мира в душе и вокруг. Я хочу прочесть, — Иван достал заранее положенную на стул открытку и зачитал поздравительное четверостишие. Его очень радовало то, что удалось-таки купить такую необычную открытку: она открывалась, и внутри, как в старых книжках братьев Grimm, распускались объемные цветы. Такие открытки не продавались в переходах, да и в крафтовых магазинах тоже. А он нашел.

Дочитав, он вручил открытку Матери. Она улыбалась, и Ивану казалось, что ей нравится.

— Сегодня все будут поднимать за тебя тосты. И я хочу подарить самый настоящий, праздничный волшебный подарок, — Иван вытащил из пакета огромную коробку. Гости оживились.

— Фужер для шампанского, — продолжил Иван. — Но не простой, а уникальный, — Действительно, фужер был непростым: снизу его украшала бронзовая композиция из деревьев и цветов, сплетавшихся в число возраста. Блестели золотые круги под ободком, — Пусть каждое пожелание, которое сегодня прозвучит и которое ты загадаешь, сегодня обязательно исполнится.

Пока бокал наполнялся, а гости фотографировали, Иван раскрыл чемодан и достал бумажный пакет.

— Эту красоту нужно извлекать осторожно, — приговаривал он. — Так вот, вот так... Ииии...

— Ого, — удивилась Мать. — А что это?

— Это витраж. Ручная работа, называется «райская птица» — вот и она, — Иван показал, — в окружении фруктов и ягод. Очень красивая вещь, размещается на окне.

Было обидно, что в банкетном зале приглушенное освещение и продемонстрировать красоту витража никак не получалось.

— Когда его повесишь на окне и светит солнце, то... В общем, он играет самыми яркими красками и очень радует глаз. Нет, это, честно, красиво, я сам такое люблю. А главное — это не просто вещь. Она приносит в дом мир и покой, и радость.

Иван улыбнулся, сделал несколько фоток с Матерью и сел за праздничный стол. Теперь можно было расслабиться, он что-то выпил залпом, не глядя. По телу расхлослось приятное тепло. Теперь будут говорить другие.

Сидя напротив Матери, Иван наблюдал за ней. Он вдруг поймал себя на мысли, как ему нравятся ее жизнелюбие, бодрость, как принимает она поздравления, как улыбается, какой живой и ясный ее взгляд. Он думал, что рад ее видеть. Недели две назад они опять смертельно ссорились по телефону, и Иван не хотел даже ехать. Потом передумал. И теперь ему казалось, что он даже рад был встрече. А может, и не казалось. Может, и был рад.

Торжество достигало разгара. Он вышел на улицу подышать воздухом. Гости смеялись друг друга, дымя сигаретами, о чем-то радостно галдели. Иван не заметил, как остался вдвоем с отцом.

Какое-то время молчали.

— Слушай, тут такое дело, — начал вдруг отец.

Иван изобразил заинтересованность.

— Мама не поняла твоих подарков. Она обескуражена.

— Обескуражена? — не сразу понял Иван. — Это как вообще — обескуражена?

— А тебе самому непонятно?

— Нет, мне непонятно. Я что-то не видел, чтобы она была обескуражена. Я хотел сделать радость, праздник. У меня других целей не было. Понимаешь?

— Нет, это все красиво и здорово. Но нормального-то подарка нет.

— Нормального подарка, — ухмыльнулся Иван, глядя в лужу. — Это какого же нормального? Телевизор у вас новый есть. Диван новый. Компьютер у вас на двоих; ей не нужен ни новый, ни ноутбук. А дарить что-то дороже — так я, к сожалению, не миллионер.

— Да при чем тут не миллионер.

— При том, — разозлился Иван. — Знаешь, сколько бокал этот стоит? Он один дороже, чем все, что сегодня дарили. А витраж? Думаешь, он дешевый? Если уж об этом разговор зашел, то... Что мне купить, мебель? Так, вы на новую квартиру собрались переезжать. Я хотел, чтобы в новый дом — счастье. Возьмите и разбейте все к чертовой матери, если так не нравится. Я в кои-то веки хотел от души что-то сделать, по-настоящему, от себя! Нет, все надо изгадить, все.

— Я думал, ты отреагируешь нормально, — без эмоций сказал отец.

— Нормально? На это? — вскипел Иван.

— В общем, мама хочет телефон. Тысяч за двадцать-сорок. Понятно, больше мы себе позволить не можем. Да и все эти дорогие телефоны она и не хотела никогда.

Ивана словно ударило током.

— Ты не шутишь, нет? Телефон? А ты сам ей не мог подарить телефон, нет? Вы же могли его просто так купить сейчас, у вас появились деньги — несколько миллионов! Телефон, блин. Во-первых, как купить такой подарок, не зная, какая модель, функции...

— Ну значит, нужно было позвонить.

— Значит, нужно было не орать на мою жену, и мы бы тебя не блокировали. Мы сидели с ковидом, с температурой, а ты орал! И мать на нас орала. Ну проорал бы, какой телефон нужен.

Иван глубоко вдохнул.

— Предъявлять за подарки — вообще последнее дело, не думаешь, нет?

Отец молчал.

— Я бы мог подарить и деньгами. Но я ведь подумал: что за абсурд — дарить деньги, когда сейчас у вас есть деньги. А ведь много я не подарю, ты понимаешь. Что-то для

дома вы и так могли купить. Я хотел сделать праздник, создать настроение, чтобы этот день запомнился, чтобы все было красиво.

Иван повернулся к стене, резко ударил пару раз по водосточной трубе. Потом схватился за нее и стоял.

— Ну да. Я ничего не умею. Не умею делать правильные подарки.

— Так учись, — отец потушил сигарету.

— Моя открытка прекрасна, а вы даже не видите ее красоты. Витраж — я бы был счастлив, если бы нам с женой подарили такой витраж. В наш мирный дом. Она со мной выбирала, хотя вы ее ненавидите. Она хотела сделать матери приятно. Мы оба, оба хотели. А с вами мы чужие люди. Чужие, чужие... Мы никогда друг друга не поймем.

— Этого и не требуется. Пожалеешь себя, успокоишься. А потом купи матери телефон. Модель я тебе пришлю.

Отец исчез в проеме двери, а Иван остался, пропуская бесконечных прохожих. Дождя уже не было, но серое небо над городом давило, заставляя ощущать себя крохотным и ничтожным. На этом испещренном трещинами асфальте, возле нескончаемых стен, дверей, которые всегда ведут туда, куда не надо, и вечно закрыты, если хочется в них попасть. Какая часть жизни прожита? Что впереди? Не плевать ли, если все одинаково противно?

Обида. Обида жгла Ивана — колючая, ноющая, будто детская. Вот только и в детстве он не чувствовал такой обиды, как теперь. А может быть, просто не помнил.

Бросить все сейчас и сбежать?

«Невозможно, — думал Иван. — Невозможно. В такой день поступить так — нельзя». Он прошел вперед, пару домов, к реке. Глянул вниз. Редкие утки, сопротивляясь течению, держались возле моста — вдруг им что-нибудь кинут. У него ничего не было.

«Я здесь ради себя, и только, — думал Иван, уставившись на мутное отражение, и не понимал, правда эти слова или нет. — Я здесь только ради себя».

Он видел Мать сегодня, и он почти любил ее. Он цеплялся за это чувство и не хотел его отпускать; ведь если отпустить его сегодня — оно полетит в пропасть, откуда возврата нет.

— Сфотографируйте нас вместе, — громко говорил Иван, приглушая нетрезвый шум: гости уже перешли на актеров, скоро будет политика; все как заведено.

Объектив нацелился на них; он обнял Мать и поцеловал в щеку. «Может, действительно так всегда будет, а может, и нет, не знаю». Что-то ныло под сердцем у Вани, но сердце торжественно билось; хотелось что-то добавить, но все фразы застряли в горле. «Ну и пускай. Пусть останется хоть ощущение; хоть отголосок, но радостный. Я приехал сюда за этим — чтобы Матери было радостно; и в этот момент, в эту секунду, на этом кадре все будет так, как я планировал. Как я захотел».

— Вы такие счастливые, — Иван услышал далекий голос, словно пробуждаясь от очередного сна. Он повернулся и тихо сказал:

— Мама.